

**Инвариантность концептосферы адыгской и русской литературы
(«В ожидании смысла» А. Макоева и «Герой нашего времени»
М.Ю. Лермонтова)**

Русскоязычная проза Северного Кавказа представляет собой в достаточной мере развитую литературно-эстетическую систему, опирающуюся на богатейшее наследие собственно русской классической прозы. Современные кавказские авторы, такие как Б. Чипчиков, А. Макоев, А. Балкаров, Ю. Шидов, М. Эльберд пишут в лучших традициях русской литературы, что ни в коей мере не означает вторичность, неоригинальность их творчества. Напротив, глубоко зная и понимая классику, названные авторы смогли выработать на ее фундаменте свой собственный неповторимый идиостиль.

Целью данной статьи является анализ тех базовых онтологических универсалий, концептов русской литературы, творчески переосмысленных современными авторами, которые звучат по-новому и в то же время не оставляют сомнений в своем происхождении. Для этого нами выбрана работа Амира Макоева «В ожидании смысла».

Итак, будем иметь в виду, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Потому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя перевести простым «перекодированием» на язык другого народа» [3:16-21]. Система этнических констант является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир [5:228]. Следовательно, каждый этнос имеет свои неповторимые варианты когнитивной картины мира и концептов, ее характеризующих. Однако, как мы покажем ниже, существуют также инварианты концептов, которые идентичны в таких достаточно разных культурах и литературах, как русская и адыгская.

«В ожидании смысла» А. Макоева представляет собой сборник разрозненных житейских наблюдений, максим, афоризмов. Макоев предельно откровенно пишет об интимнейших чувствах и переживаниях, о мучающих его вопросах самого высоко порядка – о смысле жизни, о вере, о Боге, о любви, о своем месте среди людей, о мере своего писательского дарования и о своем нравственном несовершенстве. Данные наблюдения не оставляют шансов быть неверно истолкованными, они буквальны до цинизма и поначалу даже отпугивают своей прямоотой. Планка искренности, взятая автором, непривычна для

современного читателя, предпочитающего мучительной работе по исследованию «закоулков» авторского «я» интеллектуальную толерантность текстов «ни о чем и обо всем», избегающих постановки вопросов жестко, ребром.

Итак, по жанру это конгломерат афоризмов-размышлений в виде не связанных сюжетно или композиционно отдельных абзацев, а иногда и лаконичных фраз. Такой жанр недостаточно изучен, хотя имеет многовековую историю (См., например, Лузянина Л.Н. «Отрывки из писем, мысли и замечания» А.С.Пушкина, своеобразие жанра и историко-литературное значение // Малые жанры в русской и советской литературе. - Киров, 1986. - С.60-68. Федоренко Н.Т., Сокольской Л.И. Афористика. - М., 1990). Понятие «афоризм» не имеет общепринятого определения: одни исследователи относят к афоризмам только авторские изречения, включая в этот разряд крылатые слова, другие – все виды кратких философских изречений: «устойчивое изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль о каком-либо явлении действительности и выраженное в лаконичной (часто парадоксальной) форме» [2:90]. В анализируемом тексте афористические высказывания рассматриваются нами в когнитивно-концептуальном аспекте. Как отмечает Ю.Степанов, «осуществление концепта – это прежде всего его имя, но часто, притом в самых важных случаях, просто фраза, целое высказывание (выделено нами – Л.М.), бытовое, музыкальное или живописное, картина или даже нечто несловесное» [7:3]. Мы разделяем подобную точку зрения и считаем, что концепт может быть выражен не только одной лексемой, но и отдельной фразой, предложением, афоризмом. С этой позиции можно сказать, что «В ожидании смысла» является изложением некой номенклатуры концептов из определенного сегмента современной адыгской культуры от лица русскоязычного писателя. Нам кажется интересным тот факт, что наблюдается почти полное совпадение концептуального кластера с концептосферой «Героя нашего времени» Лермонтова.

Многочисленные замечания Печорина о себе, своей жизни, своей натуре, своем предназначении, вернее, его отсутствии, своих сильных и слабых сторонах, разбросанные по всем главам романа, в итоге являются неким корпусом афоризмов и максим, самостоятельным произведением, «текстом-в-тексте», той самой исповедью-саморефлексией, о которой, применительно к макоевскому тексту, говорилось выше. Проводя параллели между «Героем нашего времени» и «В ожидании смысла», можно утверждать, что макоевский текст выстроен по тому же архитектурному плану, что и лермонтовский, в котором, однако, опущены все фабульно-сюжетные компоненты и оставлен непосредственно сам исповедальный материал, по существу, представляющий собой набор концептов когнитивного поля под родовым названием «экзистенциальный

кризис». В это поле входят такие концепты, как «тоска», «судьба», «жизнь», «личность», «смысл/отсутствие смысла», «цель», «выбор», «космос», «совесть», «счастье/несчастье».

Определяющим же в данной концептосфере будет концепт «антигероя», нигде эксплицитно не проявленный в обоих текстах. Однако именно антигерой является подлинным носителем авторской позиции. По словам Ю.Степанова, эту мысль впервые высказал Ф. Достоевский: «Антигерой» как персонаж, как доктрина и как термин появляется у Достоевского в 1864 г. в произведении «Записки из подполья. I. Подполье, II. По поводу мокрого снега» [7:158].

В данном контексте префикс *анти-* не несет негативной окраски в обычном противопоставлении героя (хорошего) и антигероя (плохого). Речь идет о герое как нарраторе, выразителе авторского замысла. Антигерой противопоставляется герою на том основании, что он идет дальше, за ту грань, переход которой и делает протагониста героем, превращаясь в его противоположность. Эта черта – граница внутреннего сакрального мира, интимная зона, куда не пускают посторонних.

«Классический» герой не может пустить туда читателя, ибо тогда пропадает собственно *героизм*, рыцарство; герой предстает не оплотом добродетелей, а обыкновенным, растерянным, мечущимся индивидом со своими комплексами и фобиями. Это, по определению, не позволено герою, но позволено *антигерою*. Иными словами, здесь кончается нравственное «эвклидово пространство» и начинается «пространство Лобачевского», в котором не действуют моральные табу и ограничения внешнего, обычного мира. Достоевский писал: «Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которых он и друзьям не откроет, а разве только самому себе, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, а таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится... Я же пишу для одного себя и раз навсегда объявляю, что если я и пишу, как бы обращаясь к читателям, то единственно только для показу, потому что так мне легче писать. Тут форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будет Я уже объявил это» [1:122].

И далее, собственно, объясняется необходимость антигероя: «Ведь рассказывать, например, длинные повести о том, как я манкировал свою жизнь нравственным растлением в углу, недостатком среды, отвычкой от живого и тщеславной злобой в подполье, – ей-богу, не интересно; **в романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для антигероя** (выделено нами – Л.М.), а главное, все это произведет пренеприятное впечатление, потому что мы все отвыкли от жизни... Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей „живой жизни" какое-то омерзение...» [1:178].

Итак, в европейской литературе появляется термин «антигерой», и этот антигерой Достоевского – экзистенциальный человек. Это, как отмечает Ю.Степанов, человек «без внешних свойств» и даже вообще «без свойств». Он – «человек без свойств» не в том смысле, что никак не проявлял себя вовне, а в ибсеновском, пер-гюнттовском смысле: как только названо и проявлено какое-нибудь свойство, так тотчас следует его опровержение [7:248]. Антигерой сам осознает, что он – человек без свойств: «О, если б я ничего не делал только из лени. Господи, как бы я тогда себя уважал. Уважал бы именно потому, что хоть лень я в состоянии иметь в себе; хоть одно свойство было бы во мне как будто и положительное, в котором я бы и сам был уверен» [1:159].

Как видим, отрицание бытия (не-бытие) есть имманентное свойство внутреннего мира антигероя. Сравним теперь приведенные выше цитаты с фрагментами из «Героя нашего времени» и «В ожидании смысла». Показательно, что формулировки повторяются почти слово в слово – как раз тот случай, когда один и тот же концепт в творчестве разных авторов инспирирует у них общность и литературной формы, и даже конкретных языковых средств:

Концептуальная антиномия «разум/чувство»

Макоев: *Вся моя жизнь это бессмысленное наведение порядка в хаосе явлений, проникающих в меня из так называемой реальной действительности. Тогда как в моем внутреннем мире – строгий порядок, ясность и чистота [6:13]. От неминуемой гибели я спас себя тем, что отключил свое чувствительное и очень ранимое сердце от мира людей [6:15].*

Лермонтов: *Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю и разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия [4:98].*

Концепт «космос»

Макоев: *В детстве, летними ночами я с отцом спал во дворе под открытым звездным небом. Я засыпал под мерцающим пологом таинственных далеких планет. В воображении я ходил между ними как в нашем саду между деревьями и чувствовал себя среди них как у себя дома. Это во многом предопределило мое мироощущение [6:33].*

Лермонтов: *Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права [4:114].*

Концепт «совесть»

Макоев: *Моя совесть ни на единый миг не дает мне забыть о моих не благовидных поступках, которые мне случилось в жизни делать только лишь по незнанию, недоразумению или неосмотрительности. И все же она постоянно напоминает мне, что они тяжким грузом лежат на дне моей души и являются источником моих страданий* [6:35].

Лермонтов: *У меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так* [4:27].

Концепт «избегание страстей»

Макоев: *Желать власти, известности и почитания извинительно лишь молодому человеку. С годами все устремления добропорядочного человека должны быть обращены совершенно в другую сторону* [6:38].

Лермонтов: *Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, и ни одна не скачет и не пенится до самого моря* [4:76].

Приведенные примеры наглядно показывают, что совпадают даже стилистические особенности фраз, полностью идентичны их синтаксис и лексика. Очевидна и не скрывается реминисценция, то есть воспроизведение автором знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения. Случайна ли она, произвольна ли? Является ли такое почти дословное повторение подражанием, эпигонством, повтором? Как отмечается в давно ставшей классической работе «Проблемы типологии русского реализма», «когда же речь идет о типологической общности эстетически значимых литературных фактов, имеется в виду, естественно, не простая их повторяемость и не их внешнее сходство. В этом случае рассматриваются прежде всего явления, которые могут быть названы родственными в том или ином отношении... Литературная типология предполагает ... раскрытие общих или сходных тенденций развития *как в литературах народов, близких по языку и своим историческим судьбам, так и в литературах народов, которым не присущи эти черты* (выделено нами – Л.М.)» [7:12-13]. Перед нами не повтор, не копирование, а убедительный пример наличия инвариантности экзистенциальных концептов в классической русской и в современной русскоязычной адыгской литературе. Совершенно прав Ю.Степанов, когда пишет: «вообще-то, у концептов нет национальности в обобщенном смысле, «национальности по паспорту» [7:63]. Именно в жанре

афористической прозы (в том числе на примере сборника «В ожидании смысла» А.Макоева) нашла отражение и следующая его идея: «концепт всегда, по сравнению с развернутым текстом, есть нечто краткое, есть минимализация. ... Итак, минимализация концепта – это своеобразный жанр словесности, типа эссе. Конечно, никто не рассматривал ни понятия, ни концепты как жанры словесности, но вот теперь мы должны это делать» [7:64]. Следовательно, мы можем утверждать, что перед нами образец самостоятельного, хоть пока и не получившего четкой дефиниции жанра адыгской русскоязычной литературы – концептуальной исповедальной прозы, который наглядно демонстрирует почти полную идентичность с инвариантной концептосферой русской классической литературы.

Библиографический список

1. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. – Т.5. Л.: Наука, 1973.
2. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003.
3. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А.Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Наука, 1993.
4. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 226 с.
5. Лурье С.В. Историческая этнология / С.В.Лурье. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 446 с.
6. Макоев А. Л. В ожидание смысла / А. Л. Макоев. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 174 с.
7. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Степанов Ю.С. М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.